

УДК 811

UDC 811

10.00.00 Филологические науки

Philology

**СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
КОНЦЕПТА «ДРУГ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ****SOCIAL ASPECTS OF THE CONCEPT OF
“FRIEND” DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN
LANGUAGE**

Попович Екатерина Сергеевна

Popovich Ekaterina Sergeevna

SPIN-код РИНЦ: 8155-0475

RSCI SPIN-code: 8155-0475

Преподаватель кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин *Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России, Новороссийск, Россия.*

lecturer of the Chair of humanities, socioeconomic, information and law sciences
Novorossiysk branch of Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Novorossiysk, Russia.

Данная статья посвящена вопросу развития социальных аспектов концепта «Друг» в русском языке, начиная с 12 века. В статье были рассмотрены основные этапы формирования концепта «Друг», выделены социальные аспекты его развития, а также их отражение в семантике слов. Опираясь на труды авторитетных ученых-языковедов, было выяснено, что концептосфера языка претерпевает изменения, зависящие от социальных и исторических факторов – может происходить ее сужение, расширение, изменение оценочности, исчезновение частей концептов или даже целых концептов, что естественным образом отражается в лексике языка. Также в языке может наблюдаться такое явление, как изменение номинативной плотности концепта, то есть утрата некоторой части номинаций и/или приобретение новых. Рассматриваемый концепт «Друг» определен в статье как непараметрический, нерегулятивный, социоспецифический концепт, узус которого зависит от специфики социума, в котором он употребляется. Анализ узуса концепта «Друг» на материале разных художественных, документальных и исторических источников показал, что к социальным сферам функционирования концепта «Друг» в период с 12 по 20 век можно отнести сферу родового общения, некровные обыденные, социальные контакты, торговые и иные экономические отношения, военное дело и общение в высших кругах

This article is devoted to the development of the social aspects of the concept of "Friend" in Russian dating from the 12th century. The article describes the main stages of formation of the concept "Friend", states the social aspects of its development, as well as their reflection in the semantics of the Russian words. Based on the works of authoritative linguists, we found out that the conceptual sphere of language is undergoing changes, depending on the social and historical factors – it may be restricted, expanded, changed in its evaluation, the disappearance of parts of concepts or even the whole concepts may occur, which are naturally reflected in the vocabulary of the language. In addition, such a phenomenon as a change in the nominative density of the concept can be observed, which is the loss of some of the nominations and / or acquisition of new ones. The considered concept "Friend" is defined in the article as a non-parametric, non-regulatory, socio-specific concept, which usage depends on the specifics of the society in which it is used. The analysis of the concept "Friend" usage based on the material of different literary, documentary and historical sources showed that the social sphere of functioning of the concept "Friend" from the 12th to the 20th century includes the sphere of generic communication, non-blood everyday social contacts, trade and other economic relations, warfare and communication at the highest levels

Ключевые слова: КОНЦЕПТ «ДРУГ», КОНЦЕПТОСФЕРА, СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТА, УЗУС КОНЦЕПТА, СОЦИОУСЛОВИТЕЛЬНОСТЬ

Keywords: CONCEPT “FRIEND”, CONCEPTUAL SPHERE, SOCIAL ASPECTS OF CONCEPT, CONCEPT USAGE, SOCIAL CONDITIONABILITY

Развитие концепта обусловлено социальными и культурными изменениями, заставляющими язык реагировать на внешние условия и создавать новые номинации, либо изменять семантику уже имеющихся. В концептосфере русского языка понятие «друг» занимает весьма весомое

место. Цель статьи – рассмотреть основные этапы формирования концепта «Друг» в русском языке и выделить социальные аспекты его развития, нашедшие свое отражение в семантике словесных единиц и словосочетаний.

Концепт «Друг», согласно различным классификациям, (Бабаева Е.В. [1], Карасик В.И. [3]) – это непараметрический, нерегулятивный, социоспецифический концепт, то есть концепт, имеющий предметное содержание, в котором ценностный компонент не является главным. Однако узус репрезентаций такого концепта зависит от специфики социума, в котором он употребляется. По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «через изучение семантики языковых знаков можно проникать в концептосферу людей, можно выяснить, что было важно для того или иного народа в разные периоды его истории» [5, с. 13]. Это положение как нельзя лучше отражает мысль о том, что концептосфера претерпевает изменения в ходе развития общества: происходит ее сужение, расширение, изменение оценочности, исчезновение частей концептов или даже целых концептов, что естественным образом отражается в лексике языка. Можно говорить о процессах изменения номинативной плотности концепта/концептов, то есть концепты либо утрачивают некоторую часть своих номинаций, либо получают новые.

В современных условиях концепт «Друг» претерпевает активные процессы расширения, что обусловлено развитием интернет-технологий и, в частности, растущей популярностью социальных сетей, в которых понятия «друг», «друзья» стали ключевыми. Для того чтобы оценить масштабы расширения, а также определить основные направления изменения концепта «Друг», дефиниционному и компонентному анализу были подвергнуты лексемы со значением «друг, дружба, приятель» и другие, были использованы авторитетные лексикографические источники, результаты анализа соотносились с контекстами употребления,

позволившими выявить многие оттенки значений и их социальные смыслы.

В древнерусском языке не было слова «друг» в значении «приятель», и понятие «друг» выражалось посредством номинаций «приснь», «сердоболя», «подругъ», «искрънь», «ближний». Их значения таковы: «приснь» (присный) – истинный, крайне близкий человек: «сердоболя» – тот, о ком сердце болит; «искрънь» – ближний, живущий по соседству. В.В. Колесов отмечает, что в древнерусском языке наблюдается тенденция «отстранения от кровного в сторону ближнего» [4, с. 47], что было связано с развитием феодальных отношений, когда понятия рода и общины утратила свое былое значение. Развитие номинаций, репрезентирующих концепт «Друг», выглядело следующим образом: «сердоболя» («искренний») → «подругъ» (тот, кто «идет за другом») → «друг» («близкий по праву дружбы») → «ближний». К середине 12 века происходит полная замена понятий «сердоболя», «присный», «искренний» понятием «ближний». Данное понятие взводится на уровень «друга», а не «родича», как это было раньше.

Анализируя узус концепта «Друг» в «Повести временных лет», В.В. Колесов приходит к выводу о том, что у древних славян отношения «друг-враг» являлись временным явлением, друг в любую минуту может стать врагом и наоборот. «Подав друг другу руки, обменявшись воинскими дарами, совершив и другие ритуальные действия бывшие враги становятся друзьями» [4, с. 52]. Употребление репрезентаций концепта «Друг» в то время было связано с военными действиями против печенегов и половцев, а также с характерным для того времени актом побратимства. Именно этой оппозицией характеризовались отношения древних восточных славян с южными кочевниками.

Интересно отметить, что в «Слове о полку Игореве» в обращении к читателям в речи Игоря звучит репрезентация «братия»: «Начнем же,

братия, повесть сию...», или «братия и дружина! Лучше нам быть порубленными...» [7, с.1, 46]. В.В. Колесов по этому поводу пишет, что «это («брат» и «сестра») традиционные обозначения равенства в социальных отношениях, которое уравнивает дядю с племянником, названного отца с сыном и т.д.» [4, с. 55]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что лексемы «брат», «братья» («братия») являются репрезентациями концепта «Друг», использовавшимися в древнерусских княжеских кругах для обозначения близкого человека. Они также могут использоваться не только для продолжения терминологии родового строя, так как могли обозначать и врагов, «стоит лишь с ними помириться» [4, с. 56], и союзников, и друзей. Кроме того, словом «брат», начиная с 11 века, обозначался человек, принадлежащий к обществу постоянно живущих вместе людей в монастырях, школах и других закрытых учреждениях. То есть мы видим, что старое родовое слово «брат» расширило границы своего употребления и, в связи с новыми феодальными отношениями в обществе, стало обозначать дружеские связи, которые заменили связи братские.

В 15-16 вв. номинация «ближники» соединила в общем слове родичей и соседей, то есть самых близких людей. С началом нового феодального времени значение номинации «друг» переходит к лексеме «приятель» и противопоставляется уже не врагу, а «недругу», что подчеркивает изменение характера социальных дружественных отношений – это уже не «дружба-побратимство, не дружба-союз», такой друг может и предать [4, с. 54]. В этимологическом словаре дано следующее определение слова приятель: «Приятель: древнерусское – «приятти» (дружить, любить); старославянское – «приятель»; общеславянское – «priјateljъ»; древнеиндийское – «priyas» (милый, дорогой)». Слово «приятель» встречается в русской литературе, начиная со второй трети XI

в. Это слово происходит от индоевропейской основы, означавшей «любить». [6, с. 329].

В конце 15 века утверждается и номинация «товарищ», которая обозначала друга в торговом походе, временного друга, то есть употребление данной репрезентации было социально обусловлено развитием торговых отношений. В.В. Колесов пишет, что все номинации концепта «друг» с приставкой «со-» сначала «выражали понятия о племени, которое вынуждено находится в пути, о народе, который шел в бой, о дружине, которая ищет боя, о купцах, которые вышли в путь, о странниках, путешествующих вместе; позднее... появились новые слова, известные нам сегодня, – *соратник, сотрудник* и даже (вульгаризм наших дней *соработник*)» [4, с. 58-59]. Мы видим, что все древнеславянские репрезентации концепта «Друг» были социально обусловлены и употреблялись в ситуациях либо родового общения («ближка» в значении ближайшего родственника по отцу, *искрънь*), либо в ситуациях простого дружественного общения (*ближний, другъ*), либо в качестве обозначения временного партнера в каком-то деле (*соратник, дружинник, товарищ*).

Таким образом, получаем, что развитие концепта «Друг», начиная с древнерусских текстов и до 15-16 веков, может быть представлено следующей цепочкой понятий: *искрънь* – *сердоболя* – *подругъ* – *друг* – *дружина* – *ближний* – *братия (братья)* – *приятель* – *товарищ*. Все эти понятия, связанные одним общим обозначением «близкого человека», имеют различные социальные оттенки значения.

«Искрънь» – тот, кто рядом, на кого надеешься и от кого зависишь, – употреблялось для обозначения настоящего, подлинного друга, само понятие было основано на родстве, как и многие слова древнерусского человека, для которого важны были не столько внешние социальные (дружественные), сколько внутренние социальные (родовые) отношения.

Распространенное в древнейших славянских переводах слово «сердоболя» обозначало «того, о ком сердце болит» [4, с. 47] и употреблялось в письменно-разговорном узусе. Сердоболя и искренний сменились понятием «подругъ», что явилось началом изменения в репрезентация концепта «Друг»: близким человеком все чаще стали называть близкого не по крови, а по социальным признакам: близкого по месту жительства (соседа), того, с кем вместе держишь путь (спутника), или просто знакомого человека (знакомца).

Подругъ – тот, «кто идет за другом» [4, с. 47], то есть не столь равный ему, как сердоболя или искрънь. Понятие «друг» в родовом строе имело чисто военное значение и всегда противопоставлялось врагу, неприятелю, который может легко стать другом в случае акта побратимства. Однако, с развитием социальных отношений в эпоху феодализма понятие «друг» перестает обозначать человека, близкого по крови, – теперь это человек, «близкий по праву дружбы» [4, с. 47]; впоследствии в середине 12 века оно вытесняется понятием «ближний», социальное значение которое состояло в обозначении человека, живущего близ тебя, на которого можно положиться.

Развитие феодальных отношений привело к смешению родовой и социальной терминологии и появлению в 12 веке понятия «брат» в значении равного в социальном смысле человека, брата-союзника, того, с кем можно иметь общие дела [4, с. 55]. Наконец, в 14-15 веке входит в широкое употребление понятие «товарищ», которое имело четкое социальное значение: человек, с которым вы совершаете торговую поездку, «временный друг» [4, с. 58]. Вполне очевидным становится тот факт, что с ослаблением влияния рода и общины, понятия, входящие с смысловое поле концепта «Друг», утрачивают значение «близкого по крови», расширяя таким образом список репрезентаций концепта до понятий, обозначающих человека, с которым находишься в близких

отношениях, не родственника (не члена рода), человека, временно связанного с тобой определенным родом деятельности.

Приведем результаты дефиниционного анализа современных лексем с корневой морфемой «друг-». Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля дает следующие толкования слов с корнем «друг»: 1. друг – другой, в значении такой же, равный, другой я, другой ты; 2. другиня – друг женского пола; 3. друговщина – община, общество, товарищество; 4. дружище – самый близкий друг (но не в высшем значении дружбы); 5. сибирское: дружок – пара, «чета вещей», например, «дружок ведер»; 6. дружень (друженица) – любовник, любовницы и др.

Очевидно, что репрезентации концепта «Друг» напрямую связаны с такими номинациями, как «взаимовыручка», «помощь», «любовь», «пара», «другой», «равный». Анализ современных лексикографических источников («Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, «Словарь русского языка С.И. Ожегова», «Словарь русского языка» (Малый академический словарь) позволил выделить три большие семантические группы, служащие репрезентациями концепта «Друг» в русском языке: 1) человек, связанный с кем-то близкими отношениями (дружбой, любовью); 2) сторонник, защитник чего-либо; 3) друг как обращение. Проанализируем, как социальные изменения влияли на понятийную сторону современного наполнения концепта «Друг».

18 век был для России временем глубоких потрясений и изменений, что не могло не найти отражение в узусе концепта «Друг» и его социообусловленности. Северная война, стрелецкий бунты, дворцовые перевороты, усиление крепостного права – все это оставило глубокий след в сознании людей, перевернуло представление об образе друга и врага. Например, в договоре Петра I с саксонским курфюрстом и польским королем Августом II о союзе против Швеции мы видим следующие строки: «...то мы друг с другом верную и *постоянную дружбу* и соседство

держати будем и от того никоим образом и способом разлучитися не допустим, ...о том тщитися будем, дабы един другаго пользу и приращение, яко свое собственное благосостояние, вспомогати и тако держатися мог, яко *верному другу и союзнику* пристойт и достойно есть» [2, с. 17]. Концепт «друг» репрезентируется в данном отрывке лексемами «друг», «дружба» и сопровождается эпитетами «постоянный», «верный». Эти лексемы используются при взаимотолковании: в структуре значения прилагательного «постоянный» выделяется сема «верный»: «верный, не изменчивый; непрерывный, не прекращающийся» [12, с. 378]; в структуре значения слова «верный» есть сема «постоянство»: «вполне преданный, неизменный в своих чувствах, отношениях; надежный, прочный [12, с. 378]; правильный, истинный, согласный с действительностью».

Петр I в этом договоре называет Августа II «другом и союзником», то есть понятия друга и союзника помещены в один контекст сочинительной связи и приобретают семы «единение», «связь», что характерно именно для кругов высокопоставленных чиновников и правителей.

В письменно-разговорном узусе в начале 18 века концепт «Друг» проявлялся иначе. Приведем отрывок из письма русского посла в Гааге А.А. Матвеева Петру I об отрицательном отношении Голландии к участию России в войне со Швецией от 8 марта 1700 года: «...чтоб отписать мне до вас, премилостивейшаго государя, их, Статов, покорное прошение, еже бы за обовязанием ваша *древняя дружбы* к ним, и впредь для укрепления, не помогать Денемарку на шведа, понеже он, швед, с ними союзник.... А вина де желания их, Статов, не так вспоможения ради шведу и преодоления на поляка и Денемарка, но дабы по тому желанию и прошению их в Европе престала та война и умножился мир, понеже вы и он, швед, им *приятели*» [2, с. 30-31]. Описываемый концепт репрезентирован здесь лексемами *древняя дружбы* и *приятели*.

Приятель – это «человек, с которым, состоят в дружеских, коротких отношениях, близкий знакомый» [12, с. 786], в данном случае голландская сторона не называет Россию другом, подчеркивая то, что при обстоятельствах, складывающихся в начале 18 века, страны из союзниц легко могут превратиться в врагов. Первая репрезентация «древняя дружба», в отличие от употребляемой в официальном документе номинации «постоянная дружба», подчеркивает сниженный характер переписки в рамках письменно-разговорного узуса речи. Таким образом, налицо социальная дифференциация концепта «Друг».

На следующем этапе развития концепта, в 19 веке, значимыми событиями которого были Отечественная война 1812 года, восстание декабристов на Сенатской площади 1825 г., Крымская война и отмена крепостного права, концепт «Друг» пополнился новыми репрезентациями и смыслами. В работе «Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов» академика Е.В. Тарле «Из записок И. Л. Радожицкого о деятельности партизанского отряда А. С. Фигнера» читаем:

«...После того, как мы расстались с Фигнером под Москвою 2 сентября, я не имел о нем никаких известий до самого Тарутинского лагеря. Тут он явился опять, к живейшей радости любивших его *товарищей*... По дружескому настоянию Фигнер мало-помалу рассказал нам, что, расставшись со мною, он тотчас переделся русским мужиком и пошел в Москву, тогда как пожар стал распространяться и французы занялись грабежом» [8, с. 116]. Полагаем, что в данном контексте репрезентация «товарищи» употребляется в значении «друг», а выражение «по дружескому настоянию» указывает на письменно-разговорный узус речи. Репрезентация «товарищ» употребляется в значении «друг» исходя из самого контекста, она употреблена в сочетании с причастием «любивших», что свидетельствует о теплых сердечных отношениях, основанных на любви, которые объединяют друзей.

В «Воззвании М. Б. Баркляя-де-Толли к немцам-солдатам армии Наполеона» из того же труда Е.В. Тарля интересен следующий фрагмент: «Немцы! Зачем вы воюете с Россией, перешли ее границы, вражески относитесь к ее народонаселению, тогда как в продолжение многих столетий она постоянно находилась в *дружеских* к вам отношениях, принимала к себе тысячи ваших соотечественников, вознаграждала их дарования и поощряла их занятия торговлею и промыслами?» [8, с. 116]. В данном случае использование выражения «находиться в дружеских отношениях» подчеркивает официальный характер речи, является специфическим клише, присущим официально-деловому узусу речи, что объясняется социальным положением говорящего: М.Б. Барклай-де-Толли был уважаемым полководцем, военным министром, автором стратегии и тактики «выжженной земли». Таким образом, на примере двух выражений, содержащих репрезентацию «дружеский» («по дружескому настоянию», «находиться в дружеских отношениях»), видим, что одни и те же лексемы в различных узусах (письменно-разговорном и официально-деловом) могут иметь различную социальную маркированность.

Особый интерес представляет отрывок «Из письма Г.Фабера неизвестному из Петербурга о борьбе народа с армией Наполеона» от 1 декабря 1812 года: «Эти воины проходили всюду с песнями; иногда (это я сам видел) за ними шли их жены и, чтобы помочь муясьям, несли от времени до времени их оружие и их вещи. Из каждого города, из каждого местечка выходило по взводу. Они не собирались ни в полки, ни в батальоны, ни в роты: то была *дружина*, т. е. общество друзей, давших друг другу клятву (таков прекрасный смысл этого чисто русского слова» [8, с. 92]. В данном отрывке Фабер Готтиль Федор, чиновник русского министерства иностранных дел, дает определение слову «дружина» как обществу друзей, связанному клятвой. Таким образом, он подчеркивает изменение в социальном восприятии данной репрезентации концепта

«Друг», указывая, что в отличие от значения 11 века дружина в понимании людей 18 века теряет исконно «военное» значение и начинает обозначать простое, невоенное общество людей.

События 1812 года нашли свое отражение в художественной литературе того времени и внесли изменения в концепт «Друг», что выразилось в появлении иных социальных коннотаций и смыслов у составляющих концепт. Например, в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» репрезентация «союзник» встречается в следующих контекстах: «Тиф, батюшка. Кто ни взойдет – смерть. Только мы двое с Макеевым (он указал на фельдшера) тут трепемся. Тут уж нашего брата докторов человек пять перемерло. Как поступит новенький, через недельку готов, – с видимым удовольствием сказал доктор. – Прусских докторов вызывали, так не любят *союзники*-то наши» [10, с. 254]; «Пруссаки – наши верные *союзники*, которые нас обманули только три раза в три года. Мы заступаемся за них» [10, с. 118].

В приведенных выше примерах использования слова «союзник» по отношению к прусским военным чувствуется скрытая ирония, она создается употреблением слова «союзник» с глаголом «обманули», а обстоятельство «три раза в три года» выделено интенсификатором «только». Таким образом, можно говорить о том, что репрезентация «союзник», употребляемая в отношении Пруссии во время Отечественной войны 1812 года, получила семы иронии и даже негативной оценки. Такая социальная оценочность особенно проявлялась в речи военных: «...ежели бы русское войско было одно, без *союзников*, то, может быть, еще прошло бы много времени, пока это сознание беспорядка сделалось бы общему уверенностью; но теперь, с особенным удовольствием и естественностью относя причину беспорядков к *бестолковым немцам*, все убедились в том, что происходит вредная путаница, которую наделали *колбасники*» [11, с. 183]. Помещение репрезентации «союзников» в одну синтаксическую

конструкцию со словами «бестолковые немцы», «колбасники», имеющими явные негативные смыслы, усиливает значение отрицательной оценки и у лексемы «союзники».

В середине 19 века понятие «друг» приобрело весьма нелицеприятные ассоциации, как ни парадоксально, в том числе, и по «вине» императора Николая Первого, который обратился в поздравительном послании к французскому императору как «monsieur mon ami» («дорогой друг»), вместо допустимого по протоколу «monsieur mon frère» («дорогой брат»), чем сильно оскорбил французского императора [13]. Обращение «друг» в этикете императорских кругов середины девятнадцатого века являлось если не оскорбительным, то, как минимум, нежелательным в использовании. Обращение «дорогой брат» как бы подчеркивало равенство между самодержцами и, следовательно, считалось единственно корректным.

В труде Е.В.Тарле «Крымская война» читаем: «Итак, весь огромный и юго-западный и северо-западный фланг русской империи был прикрыт *послушными и верными союзниками* – Австрией и Пруссией» [9, с.7]. В отличие от Отечественной войны 1812 года, когда в военных кругах Пруссию как союзника принимали недоверчиво и относились с иронией к «бестолковым немцам» [11, с. 183], отношение к Пруссии во время Крымской войны со стороны солдат и соотечественников меняется: немцы становятся «послушными и верными союзниками» на стороне России. Но, как показала практика, это союз не был таким уж прочным – Пруссия и Австрия не поддержали своего намерения действовать заодно с Россией против Франции и признали Наполеона III своим «братом»; Николай I же, как было упомянуто выше, это сделать отказался: «Английский «друг» Николая, лорд Эбердин, сбивал его с толку в эти ноябрьские и декабрьские дни 1852 г. ничуть не меньше, чем прусский граф фон Рохов и австрийские «друзья» Буоль и Менсдорф» [9, с.7]. Лексема «друг» не зря взята в

кавычки – таким образом автор подчеркивает, что в условиях военного конфликта «друг» может легко изменить свои взгляды и встать на сторону неприятеля, либо же отказаться от своих убеждений.

К концу 19 века, таким образом, представление о друге было откорректировано военно-политическими событиями: «друг» и «враг» мыслились как парные понятия с подвижной границей, лексема «союзник» получила отрицательные смыслы. Исследование показало, что сферами функционирования концепта «Друг» в период с 12 по 20 век являются: родовое общение, некровные обыденные, социальные контакты, торговые и иные экономические отношения, военное дело и общение в высших кругах.

Библиографический список

1. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. .. д.филол. наук. – Волгоград: Волгоградский гос. педагогич. ун-т, 2004. – 24 с.
2. Бескровный Л.Г., Куманев Г.А. (ред.). Северная война 1700-1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. Т.1 (1700-1709 гг.) / Под ред. Л.Г. Бескровного и Г.А. Куманева. – М.: Объединенная редакция МВД РФ; Кучково поле, 2009. - 528 с.
3. Карасик В. И. Иная ментальность. / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
4. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 312 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314, [6] с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
6. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык. От А до Я. – М.: Юнвес, 2003. – 704 с.
7. Слово о полку Игореве. М.: Детгиз, 1955. – 232 с.
8. Тарле Е.В. Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1941. – 248 с.
9. Тарле Е. В. Крымская война: в 2-х т. – М.-Л.: 1941-1944. Т.1, с.7
10. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3,4. М.: Лексика, 1996. – с. 254
11. Толстой Л.Н. Война и мир. Том 1-2. М.: Эксмо, 2008. – с. 183.
12. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
13. Trevor Royle. The Great Crimean War, 1854-1856. / The New York Times, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nytimes.com/books/first/r/royle-crimea.html> (дата обращения: 01.09.2015).

References

1. Babaeva E.V. Lingvokul'turologicheskie karakteristiki russoj i nemeckoj aksiologičeskix kartin mira: avtoref. dis. ...d.filol. nauk. – Volgograd: Volgogradskij gos. pedagogič. un-t, 2004. – 24 s.
2. Beskrovnij L.G., Kumanev G.A. (red.). Severnaja vojna 1700-1721 gg. K 300-letiju Poltavskoj pobedy. Sbornik dokumentov. T.I (1700-1709 gg.) / Pod red. L.G. Beskrovnogo i G.A. Kumaneva. – M.: Ob#edinennaja redakcija MVD RF; Kuchkovo pole, 2009. - 528 s.
3. Karasik V. I. Inaja mental'nost'. / V. I. Karasik, O. G. Prohvacheva, Ja. V. Zubkova, Je. V. Grabarova. M.: Gnozis, 2005. – 352 s.
4. Kolesov V.V. Mir čeloveka v slove Drevnej Rusi. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1986. – 312 s.
5. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika. M.: ACT: Vostok-Zapad, 2010. – 314, [6] s. – (Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija. Zolotaja serija).
6. Semenov A.V. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka. Russkij jazyk. Ot A do Ja. – M.: Junves, 2003. – 704 s.
7. Slovo o polku Igoreve. M.: Detgiz, 1955. – 232 s.
8. Tarle E.V. Otechestvennaja vojna 1812 g. Sbornik dokumentov i materialov. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1941. – 248 s.
9. Tarle E. V. Krymskaja vojna: v 2-h t. – M.-L.: 1941-1944. T.1, s.7
10. Tolstoj L. N. Sobranie sočinenij v vos'mi tomah. T. 3,4. M.: Leksika, 1996. – c. 254.
11. Tolstoj L.N. Vojna i mir. Tom 1-2. M.: Jeksmo, 2008. – s. 183.
12. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: Al'ta-Print, 2005. – 1216 s.
13. Trevor Royle. The Great Crimean War, 1854-1856. / The New York Times, 2000. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.nytimes.com/books/first/r/royle-crimea.html> (data obrashhenija: 01.09.2015).